

Лондон Джек

Полное собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д40

Д40 **Джек Л.**
Полное собрание сочинений: Том 3 / Лондон Джек – М.: Книга по Требованию, 2023. –
312 с.

ISBN 978-5-519-93883-9

ISBN 978-5-519-93883-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ.

Но жизнь въ ней все-же была. Внизъ по замерзшей рѣкѣ съ трудомъ тащился цѣлый потягъ собакъ волчьей породы. Ихъ густая шерсть была покрыта инеемъ. Ихъ дыханіе замерзало въ воздухѣ тотчасъ же по выходѣ изо рта, обращалось въ густое облако пара и осаждалось на ихъ шерсти, образуя на ней морозные кристаллы. На собакахъ была кожаная сбруя и кожаными же ремнями онѣ были привязаны къ санямъ, которыя тащили за собою. У саней не было полозьевъ. Онѣ были сдѣланы изъ крѣпкой березовой коры, и вся ихъ выпуклая поверхность лежала непосредственно на снѣгу. Передній ихъ конецъ былъ приподнятъ и заворачивался внутрь, какъ бумажный свитокъ. Это было сдѣлано для того, чтобы уменьшить сопротивленіе и легче скользить по верху рыхлаго снѣга, который подымался передъ носомъ саней, какъ волна. Къ санямъ былъ крѣпко привязанъ длинный, узкій, овальный ящикъ. Кромѣ него на саняхъ были еще другія вещи—одѣяла, топоръ, кофейникъ и сковорода; но самое видное мѣсто занималъ этотъ длинный, узкій, овальный ящикъ.

Впереди собакъ на широкихъ лыжахъ шель человекъ и утапывалъ снѣгъ. Сзади саней шель другой человекъ и тоже работалъ. А на саняхъ, въ ящикѣ, лежалъ третій человекъ, трудъ котораго былъ уже оконченъ—человекъ, котораго побѣдила пустыня и который уже больше никогда не будетъ бороться съ ней. Пустыня не любитъ движенія, и жизнь для нея оскорбленіе, ибо жизнь

есть движеніе; поэтому Пустыня всегда старается уничтожить движеніе. Она замораживаетъ воду, чтобы та не бѣжала въ море; она вытягиваетъ сокъ изъ деревьевъ до тѣхъ поръ, пока они не промерзнутъ до самой своей сердцевины; но самымъ злобнымъ и жестокимъ образомъ Пустыня обрушивается на человѣка, ибо человѣкъ есть самое безпокойное проявленіе жизни и находится въ постоянномъ возмущеніи противъ постановленія свыше о томъ, чтобы всякое движеніе въ концѣ-концовъ прекращалось.

Но впереди и сзади саней неустрашимо, неукротимо, работали тѣ два человѣка, которыхъ смерть еще не успѣла сразить. Ихъ тѣла были покрыты мѣхами и мягкой дубленой кожей. Рѣсницы, щеки, и губы, на которыхъ осѣдало ихъ дыханіе, были до такой степени покрыты морозными кристаллами, что ихъ лицъ почти не было видно. Они казались призрачными масками могильщиковъ на похоронахъ призрака въ призрачномъ мірѣ. Но это были только люди, проникшіе въ страну отчаянія, насмѣшки и безмолвія ничтожные авантюристы, погнавшіеся за грандіозными приключеніями, люди, противопоставившіе себя могучему міру, такому же пустынному, чуждому и безжизненному, какъ бездонная пропасть надъ звѣздныхъ пространствъ.

Они шли молча, сохраняя всю свою энергію для ходьбы. Со всѣхъ сторонъ на нихъ давило безмолвіе своимъ осязаемымъ присутствіемъ. Оно

давило ихъ души точно такъ же, какъ вода давить на тѣло спустившагося на дно водолаза. Оно давило ихъ тяжестью безконечности, безпредѣльности, тяжестью неумолимости ока. Оно проникло въ самые сокровенные уголки ихъ души, выжимая изъ нихъ, какъ сокъ изъ винограда, весь призрачный жаръ, всю экзальтацію и самонадѣянность, присущія всякой человѣческой душѣ, и они чувствовали себя маленькими и ничтожными мошками, движущимися со своей ничтожной хитростью и крошечнымъ умомъ, среди огромныхъ, слѣпыхъ стихій, которыя играютъ ими по своей прихоти.

Прошелъ часъ, за нимъ другой. Блѣдный свѣтъ короткаго, безсолнечнаго дня начиналъ уже гаснуть, когда въ чистомъ, тихомъ воздухѣ раздался слабый, отдаленный крикъ. Онъ поднимался вверхъ съ необычайной быстротой и, дойдя до самой высокой ноты, остановился на ней, дрожащій и напряженный, и затѣмъ тихо замеръ вдали. Это могъ быть крикъ потерянной души, если бы въ немъ не чувствовались печальная ярость и голодная рѣшимость. Человѣкъ, шедшій впереди, обернулся и встрѣтился взглядомъ съ человѣкомъ, шедшимъ сзади. Оба кивнули другъ-другу головой.

Вскорѣ новый крикъ нарушилъ безмолвіе съ ненужной рѣзкостью. Оба человѣка, наконецъ, опредѣлили мѣсто, откуда исходилъ крикъ. Оно находилось гдѣ-то въ снѣжной безпредѣльности, которую они только-что оставили позади. Раз-

дался третій, отвѣтный, крикъ, тоже сзади, но только немного лѣвѣе второго.

— Они гонятся за нами, Билль, — сказали человѣкъ, шедшій впереди.

Звукъ его голоса былъ странный, хриплый и говорилъ онъ съ видимымъ усиленіемъ.

— Дичи мало, — отвѣтилъ его товарищъ. — Я, вотъ уже много дней, не видалъ ни одного заячьего слѣда.

Послѣ этого они больше не говорили, но внимательно прислушивались, такъ какъ крики продолжали раздаваться сзади нихъ. Когда наступила темнота, они свернули собакъ на берегъ рѣки въ еловую рощу и разложили костеръ. Гробъ служилъ имъ и скамейкой, и столомъ. Собаки, скучившись невдалекѣ отъ огня, рычали и грызлись между собой, но не выражали никакого намѣренія скрыться въ темнотѣ.

— Мнѣ кажется, Хенри, что онѣ сегодня держатся удивительно близко отъ насъ, — сказали Билль.

Хенри, устанавливавшій на огнѣ кофейникъ съ кусочками льда, утвердительно кивнулъ головой. И только, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто на гробу и началъ ѣсть, сказалъ:

— Онѣ знаютъ, гдѣ безопаснѣе; онѣ предпочитаютъ ѣсть пищу, чѣмъ самимъ стать пищей для другихъ. О, собаки очень умныя животныя.

Билль покачалъ головой.

— Ну, не знаю...

Товарищъ съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Въ первый разъ слышу, чтобы вы сомнѣвались въ ихъ умѣ.

— Хенри,—отвѣтилъ тотъ, медленно пережевывая бобы.—Замѣтили ли вы, какъ собаки дрались сегодня, когда я ихъ кормилъ?

— Да, сегодня онѣ дрались больше, чѣмъ обыкновенно,—сознался Хенри.

— Сколько у насъ собакъ, Хенри?

— Шесть.

— Ну, такъ вотъ, Хенри...—Биллъ остановился для того, чтобы придать своимъ словамъ больше вѣсу.—Такъ вотъ, я говорилъ, Хенри, что у насъ только шесть собакъ. Я досталъ шесть рыбъ изъ мѣшка и далъ каждой собакѣ по рыбѣ, и у меня не хватило одной рыбы.

— Вы невѣрно сосчитали...

— Но у насъ было шесть собакъ,—повторилъ онъ безстрастно.—Я досталъ шесть рыбъ, и одной собакѣ не хватило рыбы, такъ что пришлось достать еще одну рыбу и дать ей.

— Но у насъ было только шесть собакъ!..—сказалъ Хенри.

— Хенри,—продолжалъ Биллъ;—я не хочу сказать, что всѣ онѣ были собаки, но только то, что семерымъ изъ нихъ я далъ рыбы.

Хенри пересталъ ѣсть и, взглянувъ поверхъ костра, пересчиталъ собакъ.

— Теперь ихъ только шесть,—сказалъ онъ.

— Я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ бѣжала по

снѣгу,—заявилъ Билль съ увѣренностью.—Я видѣлъ семь

Хенри сочувственно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я буду страшно радъ, когда наше путешествіе кончится, Билль.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Билль.

— Я хочу сказать, что грузъ, который мы возьмемъ, дѣйствуетъ вамъ на нервы, и вамъ начинаютъ мерещиться привидѣнія.

— Я самъ подумалъ объ этомъ,—серьезно отвѣтилъ Билль.—Поэтому, когда я увидѣлъ, что собака побѣжала по снѣгу, я посмотрѣлъ на снѣгъ и увидѣлъ слѣды. Тогда я пересчиталъ собакъ, и ихъ было все-таки шесть. Слѣды еще до сихъ поръ на снѣгу. Хотите взглянуть на нихъ? Я вамъ ихъ покажу.

Хенри не отвѣтилъ и продолжалъ молча жевать, пока не окончилъ ѣду и не запилъ ее чашкой кофе. Затѣмъ онъ обтеръ ротъ рукой и сказалъ:

— Такъ, значитъ, вы думаете, что это былъ...

Протяжный вой, печальный и въ то же время свирѣпый, раздавшійся изъ темноты, перебилъ его. Онъ остановился, послушалъ его, затѣмъ, махнувъ рукой въ его сторону, dokonчилъ свою фразу:—...одинъ изъ нихъ?

Билль кивнулъ головой.—Да, конечно, кто же другой? Вы сами замѣтили, какую драку подняли собаки.

Вой раздавался все чаще, превращая безмолвную пустыню въ настоящій бедламъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались эти звуки, и собакамъ, повидимому, было жутко, потому что онѣ всѣ столпились въ кучу и придвинулись такъ близко къ костру, что ихъ шерсть дымилась отъ огня. Билль подбросилъ въ костеръ нѣсколько полѣньевъ и закурилъ трубку.

— Мнѣ кажется, что вы сегодня необычайно молчаливы,—сказалъ Хенри.

— Хенри...—Билль задумчиво пососалъ свою трубку, прежде чѣмъ продолжать говорить.—Хенри, я думаю, что онъ гораздо счастливѣе насъ съ вами

Онъ указалъ на третьяго человѣка, постучавъ пальцемъ по крышкѣ ящика, въ которомъ онъ лежалъ.

— Вы и я, Хенри, будемъ считать себя счастливыми если кто-нибудь навалитъ хоть нѣсколько камней на наши трупы, чтобы ихъ не растащили собаки...— Но у насъ нѣтъ ни родственниковъ, ни денегъ, какъ у него,—прибавилъ Хенри.—Кто повезъ бы наши тѣла такъ далеко? Такая роскошь намъ съ вами не по карману.

— А знаете, я никакъ не могу понять, Хенри, почему вотъ такой парень, который въ своей странѣ былъ не то лордомъ, не то чѣмъ-то въ этомъ родѣ и которому никогда не нужно было заботиться ни о пищѣ, ни объ одѣялахъ, вдругъ явился сюда въ эту убогую страну на самый конецъ свѣта?

— Онъ могъ бы дожить до старости, если бы остался дома,—согласился Хенри.

Биллъ открылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но раздумалъ. вмѣсто этого онъ указалъ на мракъ, который тѣсной стѣной окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ мракѣ нельзя было различить никакихъ силуэтовъ, и только видна была пара глазъ, горѣвшихъ, какъ раскаленные угли. Хенри указалъ головой на вторую пару и на третью. Кругъ горящихъ глазъ становился все тѣснѣе и тѣснѣе вокругъ бивуака. Отъ времени до времени какая-нибудь пара глазъ двигалась, или исчезала, но тотчасъ же снова появлялась.

Безпокойство собакъ все возрастало, и онѣ въ страхъ все ближе и ближе подвигались къ огню и къ людямъ, и съ жалобнымъ визгомъ прижимались къ ихъ ногамъ. Въ суматохѣ одна изъ нихъ упала на край костра и завизжала отъ боли и страха, между тѣмъ какъ въ воздухѣ разнесся запахъ ея сожженной шерсти. Эта суматоха заставила кругъ блестящихъ глазъ отодвинуться на нѣкоторое время, но едва все утихло, какъ кругъ опять приблизился.

— Какое несчастіе, Хенри, не имѣть зарядовъ!..

Биллъ выкурилъ свою трубку и сталъ помогать товарищу, слать постель на еловыхъ вѣткахъ которыя онъ собралъ и разложилъ на снѣгу еще до ужина. Хенри недовольно ворчалъ, развязывая свои мокасины.

— Сколько, вы говорите, у васъ осталось зарядовъ?—спросилъ онъ.

— Три. Какъ жаль, что не триста, тогда я показаль бы имъ, чортъ ихъ возьми!

Онъ сердито погрозилъ кулакомъ по направлению къ сверкавшимъ глазамъ и сталъ осторожно развѣшивать передъ огнемъ свои мокассыны.

— Хоть бы скорѣе кончился этотъ проклятый холодъ!—продолжалъ онъ.—Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ стоитъ пятьдесятъ градусовъ ниже нуля. И еще я бы хотѣлъ, чтобы мы ниогда не пускались въ это путешествіе, Хенри. Оно мнѣ совсѣмъ не нравится. Я какъ-то неловко себя чувствую. И хотѣлъ бы я также, чтобы это путешествіе, наконецъ, кончилось, и чтобы мы снова сидѣли въ фортѣ Макъ-Гори и играли въ карты... Да, вотъ чего я хотѣлъ бы!

Хенри, сердито ворча, залѣзъ въ свой спальный мѣшокъ. Но не успѣлъ онъ задремать, какъ голосъ товарища разбудилъ его.

— Послушайте, Хенри; а почему это собаки не бросились на того звѣря, которому я далъ рыбу? Вотъ что меня беспокоитъ!

— Вы слишкомъ много беспокоитесь, Билль,—послышался сонный отвѣтъ.—Раньше съ вами этого не бывало. Вы теперь лучше помолчите и засните, и завтра будете опять молодцомъ. У васъ желудокъ не въ порядкѣ, потому вы и беспокоитесь.

Оба товарища заснули, тяжело сопя, другъ возлѣ друга, подъ однимъ одѣяломъ. Костеръ потухъ, и кругъ сверкающихъ глазъ сталъ все